

УДК 81'367

DOI: 10.15593/2224-9389/2016.4.9

И.М. Некрасова

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Россия

Получена: 07.11.2016

Принята: 15.11.2016

Опубликована: 30.12.2016

«БЕЗАГЕНТНЫЕ» КОНСТРУКЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СИНОНИМИИ

Рассматривается проблема синонимии на синтаксическом уровне, частным примером которой являются двучленная пассивная конструкция и неопределенноподличное предложение в русском языке. Несмотря на различие формально-грамматических структур, они обнаруживают сходство в семантическом плане, прежде всего на уровне ролевой структуры, обладая признаком «скрытый агенс». При этом в пассивной конструкции семантическую роль пациента или адресата выполняет подлежащее, а в неопределенноподличном предложении – прямое или косвенное дополнение (позиция подлежащего представлена синтаксическим нулем). Традиционно отсутствие тождества рассматриваемых синтаксических синонимов приписывается функционально-стилистическому фактору: в отношении русского языка подчеркивается высокая продуктивность страдательного залога в научной литературе и деловой документации, тогда как НЛП употребляется преимущественно в разговорном стиле речи. Вместе с тем интенсивные исследования синтаксической семантики во второй половине прошлого столетия привели к пониманию семантических компонентов как универсальных единиц, обладающих когнитивными качествами. Анализ глубинной семантической структуры двучленной пассивной конструкции и неопределенноподличного предложения выявляет сходство на уровне ролевой и коммуникативной структуры, с одной стороны, и тонкие различия референции и дейксиса, с другой стороны. Поскольку синтаксическая синонимия напрямую затрагивает проблему выбора той или иной конструкции говорящим, результаты семантического анализа были проверены в ходе направленного ассоциативного эксперимента. Сочетание междисциплинарных методов исследования приближает нас к ответу на вопрос о предпосылках конкуренции синонимичных конструкций в языке. Статья представляет интерес для специалистов в области синтаксической семантики, лингводидактики, теории и практики перевода.

Ключевые слова: пассивная конструкция, неопределенноподличное предложение, глубинная семантическая структура, «нулевой» агенс, пациент, адресат, топик, референт, дейксис, направленный ассоциативный эксперимент.

I.M. Nekrasova

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
Perm, Russia

Received: 07.11.2016

Accepted: 15.11.2016

Published: 30.12.2016

“NON-AGENT” CONSTRUCTIONS IN THE ASPECT OF SYNONYMY

The article is devoted to the problem of synonyms at the level of syntax, namely the short-passive form and the indefinite personal construction in Russian. Being not identical in their abstract structure of configuration, they reveal similarity in the deep semantic structure, first of all at the level of thematic relations: the agent is omitted as it is in some sense pragmatically inferable. Even so the semantic role of a patient or a recipient in the passive construction is taken by the subject, whereas it is an object in the indefinite personal construction (Russian belongs to the so called pro-drop or null-subject languages). Traditionally scholars attribute the differences in the meaning of synonymous structures to the register, i.e. language variations. At the same time advancements in semantics and cognitive linguistics made in the second half of the passed century led to understanding the semantic units as universal

elements of the language structure, which underlie the mental process. The research of deep semantic structure brings to light the similarity between the passive construction and the indefinite personal sentence on the levels of thematic relations and the topic-comment structure, on the one hand, and subtle distinctions in pragmatic factors – reference and deixis, on the other hand. The problem of synonymous syntactic structures concerns frame semantics as well as psycholinguistics since the paired association task makes a speaker to produce sentences spontaneously and therefore enables to highlight the speaker's motives who is choosing one of two models. The experiment performed with the use of the paired association task verifies the results obtained in the course of linguistic analysis. Thus, the problem of synonymous structures could be found in the interdisciplinary approach. The article might be interesting for specialists in the fields of semantics, second language teaching, translation and interpreting.

Keywords: *short-passive, indefinite personal null-subject construction in Russian, deep semantic structure, patient, recipient, topic-comment structure, pragmatic reference, deixis, paired association task.*

Понимание синтаксических синонимов как конструкций, совпадающих по своему значению при различии формального построения [1], обычно ограничивается примерами на уровне словосочетания. Вопрос о синонимических моделях предложения остается открытым, что неудивительно: к описанию самих моделей предложения, их количеству даже в отдельно взятом языке исследователи подходят по-разному, например, от 4 [2] до 25 [3] в английском языке. Вместе с тем синтаксическая семантика, сформировавшаяся как направление во второй половине прошлого столетия, позволяет выявить глубинную структуру предложения, а следовательно, дает возможность сравнивать формально различные модели в содержательном плане. С проблемой синтаксической синонимии особенно часто сталкиваются на межязыковом уровне – в процессе преподавания иностранных языков и практике перевода. Сопоставительное исследование «безагентных» конструкций – двучленной пассивной конструкции (ПК) в английском языке и неопределенного-личного предложения (НЛП) в русском языке позволило установить, что они являются семантически изоморфными конструкциями:

- на уровне ролевой структуры, 1-м актантом которой является либо пациент (*He was universally respected ... – Его уважали...*), либо адресат (*They were told ... – Им рассказывали...*);
- на коммуникативном уровне (в 80 % случаев пациент / адресат занимал позицию темы);
- в референциальной сфере, если за «нулевым» агентом ПК скрывается одушевленное лицо-человек;
- в дейктической сфере, при условии, что «нулевой» агент ПК исключает говорящего [4]. Выявленная при этом эквивалентность перевода может расцениваться как смысловая эквивалентность функционально тождественных грамматических форм [5], а отсутствие тождества в референциальной и (частично) в дейктической сферах также отвечает требованию, которым должны обладать грамматические синонимы. Полученные в статье выводы проиллюстрируем в табл. 1.

Таблица 1

Сопоставительный анализ ПК и НЛП

Двучленная ПК	НЛП
Ролевая сфера	
«Нулевой» агенс; 1-й актант – пациент /адресат	
Коммуникативная сфера	
Понижение коммуникативного ранга агента; тематизация пациента /адресата	
Референциальная сфера	
Референт: человек /животное / природная стихия	Референт: неопределенное лицо = человек
Дейктическая сфера	
Инклузивность говорящего	Эксклюзивность говорящего

Идея о том, что ПК (как синтетический пассив на -ся, так и пассивные обороты с причастиями) могут претендовать на синонимию с неопределенными предложениями, высказывалась в русистике [6]; на синонимию пассива и предложений с неопределенно-личным местоимением *man* в немецком языке указывала Е.И. Шендельс [7]. Отсутствие тождества синтаксических синонимов, как правило, обусловлено функционально-стилистическим фактором. В отношении русского языка подчеркивается высокая продуктивность страдательного залога в научной литературе и деловой документации, тогда как НЛП употребляется преимущественно в разговорном стиле речи. Также сделано наблюдение о том, что «синонимия неопределенно-личного предложения и пассива обычно реализуется в инструктивных, рекомендательных, но не предписывающих текстах, например, в кулинарных рецептах: *лук нарязается, затем пассируется – лук нарязают, затем пассируют*» [6]. Однако факт существования и конкуренции синонимичных конструкций в одном языке не может быть объяснен только в рамках лингвистического анализа; он связан с мотивами говорящего и, таким образом, требует обращения к области психолингвистики и когнитивной лингвистики.

Согласно денотативной концепции синтаксических единиц (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак и др.) содержание высказывания сводится к обозначению некоторого фрагмента действительности; тем самым проводится параллель между номинативной функцией слова и номинацией события. Б.Ю. Норман обращает внимание на сходство двух данных процессов, основанное на принципиальном свойстве номинации как таковой: «Подобно тому как значение слова не соотносится непосредственно с предметом (денотатом), но основывается на отражении предмета в сознании (т.е. на десигнате), так и содержание предложения не ограничивается референтной ситуацией, но обязательно включает в себя способ

представления данной ситуации носителем языка» [8, с. 135]. Речевое отображение ситуации всегда осуществляется выборочно и произвольно, в соответствии с мыслительным опытом и стратегией говорящего.

В психолингвистике уже утвердился тезис о том, что переход от замысла будущего высказывания к внешней речи в грамматике говорящего начинается с выбора синтаксической модели (структурной схемы). Поскольку механизмы речевой деятельности не доступны непосредственному наблюдению, для их изучения используется, как известно, метод моделирования. Несмотря на большое количество существующих на сегодняшний день моделей говорения, нет ни одной универсальной; в то же время все предложенные модели содержат общую идею концептуализации как первого этапа речепорождения, т.е. идею дoreчевых когнитивных структур, обладающих пропозицией (имя + предикат).

Более детально когнитивная модель, лежащая в основе предложения, была описана Ч. Филлмором (*underlying semantic structure*). По Филлмору в глубинной структуре предложения во всех языках имеется пропозиционное ядро, состоящее из глагола и одной или более именных групп, каждая из которых находится в особом падежном отношении к глаголу. Под «глубинными падежами» автор подразумевает «выражение синтаксических отношений, независимо от того, отражаются ли они в падежных аффиксах или нет» [9, с. 398]. Набор падежей постепенно изменялся; наиболее обширный их список представлен в работе У. Чейфа, который выявил также соответствие между наборами семантических ролей (агенс, пациент, бенефициант, адресат, инструмент и т.д.) и типами ситуаций, описываемых предложениями (состояние, действие, процесс) [10, с. 214–248]. Не останавливаясь на этом вопросе подробно, заметим лишь, что количество участников ситуации (10 и более) намного превышает количество единиц субъектно-объектного уровня: «предложение – маленькая драма со своими участниками и обстоятельствами». Глубинная семантическая структура предложения может получить различное формально-грамматическое выражение, в результате чего и возникают синтаксические синонимы.

Для того чтобы выявить скрытые мотивы говорящего, влияющие на выбор той или иной грамматической формы, был проведен направленный ассоциативный эксперимент. Метод ассоциативного эксперимента, применяемый в психолингвистике, позволяет поставить испытуемого в ситуацию управляемого выбора и принятия решения (осознанного или неосознанного). В последние десятилетия ассоциативные методики успешно применяются для изучения и моделирования порождения речи. Минимальная ассоциативная структура $S \rightarrow R$ (стимул – реакция) позволяет исследовать «дограмматические» зависимости номинаций на первом этапе порождения речи: вычленение темы и ремы, семантическое предицирование (падежная грамматика) [11]. Выявленные глубинные ассоциативные структуры, такие как «носитель действия – объект действия», «объект действия – действие» [12], доказывают

зависимость синтаксических конструкций и синтаксических функций слова от закономерностей ассоциативных процессов, поскольку «опосредуют процесс вербализации предметно-действенных отношений и категорий в поверхностных речевых структурах» [13, с. 120].

В эксперименте участвовали 63 информанта, студенты 1-го курса различных факультетов: филологического, исторического, информатики и математики. Специальная балансировка информантов не проводилась, так как решающим критерием был признак «носитель языка». Каждому участнику была выдана карточка с тремя вопросами-стимулами, на которые нужно было дать реакцию (ответить) в письменной форме. При этом выбор предполагаемого ответа ограничивался дополнительной инструкцией: использовать предложенные слова. При составлении задания учитывались следующие исходные положения:

1) предлагаемые в скобках слова маркировали пропозицию, в которой отсутствует деятель, таким образом, чтобы информант использовал в ответе либо пассивную конструкцию, либо НЛП;

2) вопрос № 1 отражал ситуацию, референтом которой могло быть 1-е или 3-е лицо, тогда как вопрос № 2 исключал информанта из числа потенциальных референтов (для вопроса № 3 этот признак нерелевантен);

3) была использована общеупотребительная лексика и «нейтральная» тематика с целью устранения, по мере возможности, стилистических ограничений при выборе формы.

Образец предлагаемого задания:

Ответьте на вопросы, используя предлагаемые слова в скобках:

1) Анна идет на вечеринку?

Да, _____
(она / ее, приглашать)

2) Они уже переехали в новую квартиру?

Нет, _____
(дом, еще не, строить)

3) Сколько у нас есть времени для решения задачи?

_____
(задача / задачу, решать, за 2 часа + значение необходимости).

Как видно, 1-й актант ситуации – пациент задан в двух формах (она / ее, задача / задачу), что является стимулом как к выбору ПК, так и НЛП.

Анализ полученных реакций выявил следующую картину.

Вопрос-стимул № 1: 40 информантов использовали в ответе НЛП (*Ee пригласили / на вечеринку*), 17 – ПК (*Она / Анна приглашена*), 6 информантов дали другие варианты ответов.

Вопрос-стимул № 2: 38 реакций представляют собой пассивные формы, преимущественно ПК с нулевой формой глагола *быть* – *Дом еще не*

построен / достроен (36) и синтетический пассив на -ся (2); 22 информанта употребили в ответе НЛП (*Дом еще не построили / достроили* и т.п.), 3 реакции – неполные предложения.

Вопрос-стимул № 3: 31 информант использовал модальные глаголы *необходимо / нужно / следует + инфинитив*, всего 2 человека – ПК (*Задача должна быть решена за 2 часа*). Характерным для ответов этого блока является большое количество (48 %) других реакций: а) дублирование притяжательной конструкции, задействованной в вопросе (*У нас / вас есть...*); б) модальные слова в сочетании с предложной группой (*Для решения задачи необходимо / нужно...*); в) модальный глагол в личной форме без подлежащего и др.; подробнее см. [14, с.141–144].

Представим полученные результаты в процентном соотношении:

Таблица 2
Реакции экспериментальной группы

НЛП, %	Стимул	ПК, %
63, 5	1	27
35	2	60
49	3	3

В двух случаях из трех на предложенные стимулы (1 и 3) большинство информантов дали ответы-реакции в форме НЛП. В первом случае (63,5 %) можно предположить, что выбор говорящего связан с дейксисом «нулевого субъекта» неопределенно-личного предложения, а именно эксклюзивностью говорящего: пригласил *кто-то, но не я*. Кроме того, подразумевание неназванного субъекта действия в большей степени свойственно НЛП, чем ПК; «агентивность» нулевого подлежащего связывают с его стремлением к «максимальному контролю над действием и его результатом» [6]. Достаточно высокий процент реакций с использованием ПК на стимул № 2 (60 %) объясняется, по-видимому, включением в задание обстоятельственных слов «уже» и «еще»: в пассиве с глаголом *быть* «подчеркнуто чувствуется семантическая черта результативности» [15, с. 276]. Крайне низкий процент ответов в пассивной форме на вопрос № 3 (3 %), несомненно, связан с функциональным стилем: конструкция модальный глагол + инфинитив пассив (*Задача должна быть решена*) редко используется в разговорной речи.

В фокусе нашего анализа также было тема-рематическое членение высказываний-реакций. Вопросы-стимулы были составлены таким образом, что пациент должен был оказаться в позиции темы. Действительно, топикализация пациента наблюдалась практически во всех реакциях, содержащих ПК и НЛП: на стимулы № 1 и 3 (100 %), № 2 (98, 3 %).

Большое количество реакций, не содержащих ПК или НЛП, особенно на стимул № 3, вызвало вопрос о влиянии параметра «образование» на ре-

зультат эксперимента, в связи с чем те же самые вопросы были предложены контрольной группе, которую составили преподаватели иностранного языка в количестве 10 человек. Количество «других» реакций, как и ожидалось, оказалось минимальным (табл. 3).

Таблица 3
Реакции контрольной группы

НЛП, %	Стимул	ПК, %
80	1	10
–	2	100
80	3	10

Полученные результаты более отчетливо подтверждают предыдущую тенденцию ответов: использование НЛП на стимул 1 и 3, ПК – на стимул 2.

Таким образом, проведенный эксперимент показал, что в процессе построения высказывания при выборе синонимической синтаксической структуры действуют 2 фактора: семантический и стилистический. Семантический фактор включает в себя 1) подразумевание скрытого агента в большей (НЛП) или меньшей (ПК) степени; 2) соотнесенность референции с говорящим; 3) значение результативности, более типично для ПК. Эти характеристики в целом подтверждают результаты предшествовавшего лингвистического анализа.

Список литературы

1. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Синонимические конструкции // Словарь-справочник лингвистических терминов. – 2-е. изд. – М.: Просвещение, 1985. – С. 249.
2. Roberts P. English sentences. – New York: Harcourt Brace, 1962.
3. Хорнби А.С. Конструкции и обороты современного английского языка. – М.: Буклет, 1992.
4. Некрасова И.М. Конструкции «без агента»: опыт сопоставительного исследования семантической структуры // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. 4 (28). – С. 99–107.
5. Новиков Л.А. Синонимия // БЭС «Языкоznание». – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 446–447.
6. Никитина Е.Н. Неопределенно-личные предложения [Электронный ресурс]. – URL: http://rusgram.ru/Неопределенно-личные_предложения (дата обращения: 18.10.2016).
7. Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). – М.: Высшая школа, 1970.
8. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994.
9. Филмор Ч. Дело о падеже // НЗЛ. Вып. X. – М.: Прогресс, 1981. – С. 369–495.
10. Чейф У. Значение и структура языка. – М.: Прогресс, 1975.
11. Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. – М.: Изд-во МГУ, 1989.
12. Brown R., Berko J. Word association and the acquisition of grammar // Child Development. – 1960. – Vol. 31. – P. 1–14.

13. Ермоляев Б.А., Петренко В.Ф. К вопросу о глубинных семантических структурах // Структуры познавательной деятельности. – Владимир, 1976. – С. 107–129.
14. Некрасова И.М. «Безагентные» структуры: пассив и не только... / Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. – Пермь, 2016.
15. Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. I.

References

1. Rozental' D.E., Telenkova M.A. Sinonimicheskie konstruktsii [Synonymic structures]. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. 2nd ed. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985. 249 p.
2. Roberts P. English sentences. New York, Harcourt Brace, 1962.
3. Hornby A.S. A Guide to Patterns and Usage in English (Russ. ed.: Khornbi A.S. Konstruktsii i oboroty sovremennoego angliiskogo iazyka. Moscow, Buklet Publ., 1992).
4. Nekrasova I.M. Konstruktsii «bez agensa»: opyt sopostavitel'nogo issledovaniia semanticheskoi struktury [“Non-agent” constructions: The contrastive analysis of the deep semantic structure]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologija*, 2014, iss. 4 (28), pp. 99–107.
5. Novikov L.A. Sinonimiia [Synonymy]. In: Iazykoznanie: Great Encyclopaedic Dictionary. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopedia Publ., 1998, pp. 446–447.
6. Nikitina E.N. Neopredelenno-lichnye predlozheniya [Indefinite-personal sentences]. Available at: http://rusgram.ru/Neopredelenno-lichnye_predlozheniya (accessed 18 Oct. 2016).
7. Shendel's E.I. Mnogoznachnost' i sinonimiia v grammatike (na materiale glagol'-nykh form sovremennoego nemetskogo iazyka) [Polysemy and synonymy in grammar (on the material of verbal forms in the modern German language)]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1970.
8. Norman B.Iu. Grammatika govorishchego [Grammar of a speaker]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University, 1994.
9. Fillmore Ch. The Case of Case (Russ. ed.: Fillmor Ch. Delo o padezhe, *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, iss. X. Moscow, Progress Publ., 1981, pp. 369–495).
10. Chafe W. Meaning and the structure of language (Russ. ed.: Cheif U. Znachenie i struktura iazyka. Moscow, Progress Publ., 1975).
11. Akhutina T.V. Porozhdennie rechi. Neirolingvisticheskii analiz sintaksisa [Speech production. Neurolinguistic analysis of syntax]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 1989.
12. Brown R., Berko J. Word association and the acquisition of grammar. *Child Development*, 1960, vol. 31, pp. 1–14.
13. Ermolaev B.A., Petrenko V.F. K voprosu o glubinnykh semanticheskikh strukturakh [On deep semantic structures]. Strukturny poznavatel'noi deiatel'nosti. Vladimir, 1976, pp. 107–129.
14. Nekrasova I.M. «Bezagentnye» struktury: passiv i ne tol'ko [“Non-agent” constructions: passive voice and others]. Perm, PGGPU, 2016.
15. Russkaia grammatika [Russian grammar]. Vol. I. Ed. by N.Iu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980.

Сведения об авторе

НЕКРАСОВА Ирина Михайловна
nekrasova142008@yandex.ru

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой иностранных
языков, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
(Пермь, Россия)

About the author

Irina M. NEKRASOVA
nekrasova142008@yandex.ru

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Foreign Languages Department, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russia)